

© 1990 г.

П. Л. БЕРГЕР

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ МИФ

Широко распространено мнение о том, что с радикализмом конца 60-х годов уже покончено. Те, кто до сих пор отождествляют себя с ним, конечно же, сожалеют об этом (полагая, что вместе с ним ушла часть их молодости). Другие, напротив, чувствуют себя спокойно и уверенно. Но и те и другие глубоко заблуждаются.

Наиболее бурные проявления того периода в самом деле стали реже. Но не потому ли, что многие радикальные импульсы последнего десятилетия прочно институционализированы? Конечно, риторические цели «революции» не были достигнуты. Цели революционной риторики вообще никогда не достигаются. Однако «революция» превзошла самые смелые ожидания в той социальной среде, которая с самого начала стала ее отправным пунктом и движущей силой: в среде интеллектуалов и культурной элиты. Наиболее поразительным успех оказался в Западной Европе, где в области культуры преобладали различные формы гошизма, в частности, в тех странах, где отмечена монополия левых. Исключительное влияние радикализма вряд ли можно объяснить интеллектуальным климатом или колебаниями настроения. Немалую роль играют система рабочих мест и профессиональные каналы, продвижения, контроль над институтами образования, а также издательства, средства массовой информации и вообще «культуры бизнеса».

Последствия 60-х годов в некотором отношении менее драматичны в Соединенных Штатах. Однако и здесь на культурной сцене произошел значительный сдвиг влево, проявившийся в разнообразных институциональных формах; многие из них связаны с политикой. Во внутренней политике, как и прежде, руководствовались провозглашенными в конце 60-х годов идеями и программами равенства, свободы и перераспределения доходов. Внешняя же политика подверглась серьезному обновлению, которое явилось следствием радикальных требований «шестидесятников». Одно из них гласило, что мировое господство США аморально и должно быть если не уничтожено совсем, то значительно сокращено. Но важнее всего то, что ключевые институты и ценности американского общества оказались скомпрометированными (делегитимированными) в глазах интеллектуалов. Росла уверенность в том, что рыночная экономика по своей природе есть зло, что культура средних американцев («Средней Америки») — неполноценна и патологична, и самое ужасное, что политическая система либеральной демократии есть коррумпированный обман. Эта система политических и культурных установок отнюдь не нова, она представляет собой подъем движения, имеющего глубокие корни в западной цивилизации, восходящие, по крайней мере, к началу XIX столетия.

Интеллектуалы и «левые»

Известно, что сердце находится слева. По крайней мере, в качестве символа подобное утверждение можно применить по отношению к интеллектуалам. Чтобы понять, почему это так, нужно ответить на два вопроса: что означает слово «левые» в данном контексте и кто такие «интеллектуалы»?

Нет нужды говорить о том, что оба термина долгое время оставались предметом многочисленных споров и определений. Однако когда все уже сказано, термины приобретают вполне понятные и доступные проверке очертания эмпирического феномена. Если левые часто разделяются на группы и перемещаются «вдоль» своих собственных границ, это всегда связано с тем предметом, которому они себя противопоставляют: с социально-экономической системой капитализма и ее историческим коррелятором — буржуазной культурой. Быть «слева», значит быть антагонистом капитализма и буржуазной культуры. Дать позитивное определение выражению «быть слева», означает в той или иной форме, в той или иной степени приобщиться к одному из величайших мифов современной истории — социалистическому. Что касается «интеллектуалов», то достаточно описать их в качестве такой социальной группы или страты, основная деятельность которой связана с производством и распространением идей. Одним из наиболее важных процессов XX века явился значительный рост численности интеллектуалов вследствие развития феномена, названного Ф. Мэклупом «индустрией знания». В свое время Д. Белл убедительно доказал, что подобное развитие — определяющая черта западного общества.

Можно припомнить интеллектуалов, вовсе не ориентированных на социализм, так же как и неинтеллектуалов-социалистов. Склонность интеллектуалов к социалистическому мифу есть достаточно стабильная тенденция, а возрастание численности их рядов еще более ее усилило. Это явление, интересное само по себе, наводит на мысль, что причины этой склонности весьма глубоки. Наиболее простое (и наиболее созвучное позиции «левых») объяснение заключается в том, что единственным рациональным следствием, вытекающим из глубокого осмысления современного мира, явится именно установление социализма. Таким образом, притягательность социализма возрастает пропорционально распространению адекватного понимания его природы и расширению информации о нем не только в литературе, но и в среде образованного населения.

Но это не объяснение. Даже если верно, что социализм является единственным рациональным следствием, подобный факт не объясняет его распространения среди

определенных социальных групп. Современную науку тоже можно считать единственным рациональным решением вопросов, связанных с освоением природы. Однако пройдет тысячелетие, прежде чем она будет поставлена той или иной группой во главу угла. Идеи не являются ни триумфом, ни поражением, если за критерий брать их истинность или ложность. Приверженность интеллектуалов идеям социализма объясняется чем-то большим, нежели только рациональными соображениями. Надо учитывать ценности и моральное чувство, а во многих случаях даже глубокую религиозную надежду, т. е. те самые характеристики, которые позволяют говорить о социалистическом мифе (в чисто дескриптивном, а не в уничижительном смысле).

Близость между интеллектуалами и левыми отмечалась неоднократно, как и многочисленные попытки научно объяснить ее. Чаще всего выдвигались аргументы в терминах инвестированных групповых интересов и/или психологической предрасположенности интеллектуалов. Так, В. Парето считал социализм лишь иной формой рационализации того, что он называл «грабежом», т. е. процессом, с помощью которого одна группа стремится ограбить другую. С этой точки зрения интеллектуалы, идентифицирующие себя с социалистическим движением, ограничиваются тем, что связывают с социализмом свои надежды (правильные или неправильные) на то, что в будущем они станут элитой. В этом случае их идеологии есть не что иное, как дымовая завеса для амбиции. Шумпетер объяснял подобную склонность материальной заинтересованностью интеллектуалов как социальной группы в расширении прав современного «налогового государства». Иначе говоря, интеллектуалы предпочитают социализм, потому что он, по их мнению, предоставит им больше субсидий, чем рыночная экономика (вероятно, они ошибаются, но это не обесценивает данный аргумент). В то же время Ф. Хайек главным считал склонность интеллектуалов к абстрактной спекуляции: социализм соблазняет скорее стройностью теоретических конструкций, их несомненной рациональностью, нежели обещанным изобилием. Похожую интерпретацию предложили Бертран де Ювеналь и Д. Коте, объясняя причины заигрывания западных интеллектуалов с Советским Союзом как «постскриптум к Просвещению».

Иное толкование сдвига влево на интеллектуальной сцене в конце 60-х годов предложил И. Кристалл. Он доказал, что в нынешней Америке идет своего рода классовая борьба между интеллектуалами (сегодня это огромная группа, насчитывающая миллионы) и элитой бизнеса. Р. Арон и Х. Шельски, по сути дела, сходным образом интерпретировали левую тенденцию западноевропейских интеллектуалов. В своей последней работе Д. Белл не идет дальше простого соединения анализа классовых интересов с концепцией Л. Триллинга о «враждебной культуре». Капитализм, якобы, страдает глубоким противоречием между рациональностью техноэкономической структуры и культурным этосом либерационизма, являющегося причиной самого успеха этой структуры.

Цена модернизации

Совершенно ясно, что интеллектуалы имеют инвестированные интересы подобно любой другой социальной группе (оставляю в стороне вопрос о том, могут ли интеллектуалы действительно называться «классом»). Трудно себе представить, что эти интересы не определяют идеологических предпочтений. Вероятно, психологические черты, связанные с ролью «теоретиков общества», влияют на их восприятие мира. Каким-то образом все это связано с пониманием социализма как носителя мифических качеств. Иначе говоря, между специфическими чертами социалистического мифа и склонностью к нему западных интеллектуалов есть определенная связь. Начиная, по крайней мере, с Г. Сореля об этом много было написано. Я же добавлю один важный элемент. *Социалистический миф черпает большую часть своей силы из уникальной способности синтезировать темы модернизации и*

контрмодернизации. Модернизация - ее идеи, ценности, стремления - продолжает быть главной темой и сегодня. Она входит составной частью в различные версии социализма. В основе социалистической программы лежат общепринятые когнитивные утверждения: история как прогресс (идея, которую следует понимать в качестве секуляризации библейской эсхатологии), совершенствование человека, научный разум как великий освободитель от иллюзий, наконец, способность человека преодолеть все или почти все бедствия посредством рационального контроля над своей судьбой. В этих утверждениях, социализм подобно либерализму - все еще - дитя Просвещения. Однако в отличие от него социализм успешно включает темы, представляющие собой протест против разочарования современностью, а именно тему возрожденной общности. И либерализм и социализм провозглашают девиз Французской революции - свобода, равенство и братство. Хотя определения этих терминов у них совершенно различны. И если либерализм редко говорит о братстве, то социализм напротив, сделал его одним из своих великих замыслов.

Цена современности немалая. За нее приходится платить, как это было сначала в Европе и продолжается по сей день. Модернизация требует огромных материальных жертв, дестабилизации привычного порядка, начиная с уничтожения английской деревни в прошлом и кончая удивительно похожим на него разрушительным процессом, происходящим сейчас в третьем мире. Огромная масса людей неожиданно лишилась традиционных средств к существованию и оказалась погруженной в страшную нищету. Наблюдается крупномасштабная миграция людей в условиях социальных лишений, массового голода и массовых эпидемий. Экономические и социальные потрясения, в свою очередь, являются причиной того, что политические режимы прибегают к репрессивным методам. Эта сторона модернизации четко прослеживается от известных «черных кодексов» в Англии XVIII столетия,- наряду с другими инновациями они чрезвычайно увеличили, в сравнении со средневековым правом, количество преступлений, заслуживающих смертной казни,-до стремительного роста репрессивных режимов в странах третьего мира. Правда, существует другая, не столь явная хотя и не менее дорогая, цена модернизации, прямо или косвенно связанная с потерей общности.

Почти на всем протяжении истории основная масса людей жила небольшими социальными группами, которым были присущи полнокровные личные контакты, высокий уровень солидарности и морального согласия. Было бы ошибкой идеализировать подобное состояние, оно вовсе не характеризовалось только всеобщим счастьем. Скорее оно было отмечено печатью страдания, лишений и угнетения. Единственное, что не было знакомо нашим предкам, но хорошо известно современникам, это отчуждение и аномия. К счастью или к несчастью, социальная общность всегда была реальной и всеохватывающей. Индивид, если и был обращен к самому себе, то происходило это крайне редко. Если прежде и существовала, то в очень незначительных масштабах неопределенность когнитивной и моральной структуры жизни. Вряд ли можно говорить о каком-либо кризисе смысла или идентичности. Индивиды знали свой мир, им также было известно, кем они являются в нем. Институциональный порядок, коллективные значения, индивидуальная идентичность были надежно интегрированы в священный порядок, предусмотренный религиозной традицией. Люди чувствовали себя как дома в реальности, особенно если этот дом был наименее удовлетворительным местом.

Напротив, современность отмечена бездомностью. Силы модернизации, подобно гигантскому молоту, обрушились на старые коммунальные институты - клан, деревню, трибу, регион,- значительно ослабляя или совершенно разрушая их. Рыночная экономика, централизованное бюрократическое государство, новая технология (порождение индустриализма), рост населения, урбанизация и, наконец, средства массовой коммуникации - все это силы модернизации, которые нанесли непоправимый урон социальным и культурным образованиям, в которых люди

были «как дома», и создали радикально новый контекст человеческой жизни. Не удивительно, что столь серьезная трансформация вызвала крайнюю неудовлетворенность и породила импульсы контрмодернизации. Импульсы, которые нашли себе выражение в движениях, апеллирующих к идеалам старой солидарности, начиная с Фронды XVII века и кончая последними «нативистскими» движениями в третьем мире. Даже там, где не было организованного движения, наблюдалось ярко выраженное стремление восстановить общность ради спасения людей от отчуждающей силы современности.

По своим политическим проявлениям контрмодернизация обычно воспринимается как «смотрящая назад», т. е. «реакционная». Такое восприятие вполне справедливо, однако надо помнить, что она может быть также и «вперед смотрящей», т. е. «прогрессивной». В этом случае желанная общность находится в будущем, а не в прошлом. Существуют религиозные прототипы (иудаистские и христианские) любого типа, выражающие антимодернистские чувства. Таков социализм, который является по преимуществу светским прототипом проектирования спасительной общности в будущем. Гениальность социализма заключается в том, что его секуляризованная эсхатология, впридачу к основным устремлениям современности (т. е. новому рациональному порядку, ликвидации материальной нужды и социального неравенства) включает полное освобождение индивида. Иными словами, социализм обещает все блага современности, исключая ее неизбежные издержки, например, отчуждение. Понять этот в сущности простой факт, имеющий непосредственное отношение к социалистическому мифу и в то же время признать, что современный секуляризм подорвал базу конкурирующих религиозных эсхатологий - значит раскрыть тайну магнетического призыва социализма. Единственная тайна, которую нам остается разгадать, заключается в том, почему триумф социализма еще не является полным.

«Научный» социализм

Марксизм представляет собой самую исчерпывающую интеллектуальную формулировку (или, если предпочитаете, легитимацию) социалистического мифа. Ключом к пониманию устойчивого влияния, которое он оказывает на воображение больших масс людей служит вероятно, его изначальная претензия быть *научным социализмом*. Если можно так выразиться, это акт мифологического синтеза, который свершился в тот самый момент, когда Маркс обратил свой взор, полный мессианской надежды, на останки Манчестерской экономики. В способности сохранить спасительную миссию социализма, причем, сделать это на фундаменте научной теории - ключ к разгадке привлекательности марксистского откровения. Конечно, марксизм разделен на различные секты (в этом он следует апостольской преемственности по отношению к иудео-христианскому мессианизму) и принимает различные формы. История марксизма в терминах перестановки двух компонентов социалистического мифа - импульсов модернизации и контрмодернизации - еще не написана.

Некоторые ответвления марксизма скрыли мессианский компонент в педантичном «сциентизме», другие пошли противоположным путем. Где бы и к кому марксизм ни обращался, он всегда стремился сохранить в равновесии *обе* темы. Иначе говоря, перед лицом тех разрушений и тех разочарований, которые неизбежно порождает современность, марксизм всегда придерживался того обещания, что можно убить сразу двух зайцев. Таким образом, взгляд на марксизм как на детище Просвещения столь же односторонен, как и противоположное воззрение, согласно которому марксизм есть не что иное, как квази-религия. Он является и тем, и другим и в этой двойственности - секрет его живучести.

Социалистический миф обещает исполнение как рациональных мечтаний Просвещения, так и разнообразных ожиданий тех, для кого Просвещение было чуж-

дым. Но если обещания воплощаются в несовершенной форме, то они неизбежно настраивают против себя даже своих сторонников. Однако никакие разочарования эмпирической формой реализации идей не могут лишить миф присущей ему силы. Мифы - это всегда доказательства-фальсификации. В конце концов, ученики Иисуса из Назарета ждали его славного пришествия в течение всей своей жизни. Христиане все еще ждут Его, хотя протестантские теологи давно определили это как *Parousieveroegerung* (что в вольном переводе означает небольшую отсрочку второго пришествия). «Социалистическое второе пришествие» также было отсрочено: претендовавшие на этот статус испытали сильное разочарование. Социалисты все еще ждут, хотя эмпирическая реальность вынуждает их время от времени менять эсхатологические ожидания.

Советский Союз явился главным источником разочарования для многих, а психологическая драма, возникшая вследствие этого, несла в себе отрицание реальности и идеологических конструкций. В то же время, синтезировав импульсы модернизации и контрмодернизации как предпосылку социалистического мифа, СССР все-таки реализовал свое обещание, хотя и несколько неожиданным образом. В 1920 г. В. И. Ленин определял коммунизм как «Советскую власть плюс электрификацию». Спустя 50 лет российскую действительность можно было бы охарактеризовать как «Средние века плюс межконтинентальные ракеты» (нет ничего удивительного в том, что контрмодернистское сознание постоянно апеллирует к средневековым представлениям). Приведу лишь краткий перечень подобных представлений: возвращение по сути к феодальному соединению политических и экономических институтов (вспомним: разделение этих институтов нарождающимся капитализмом явилось в свое время прогрессивным шагом); отмена, по крайней мере в теории, постсредневекового раскола на публичную и частную жизнь; управление обществом, осуществляемое аристократической партией (можно говорить о том, что в этом смысле Россия 70-х годов действительно переживает пик средневековья, ибо там существует лишь одна аристократия, объединяющая элитные функции духовенства и дворянства); и наконец, создание нового крепостничества, которое привязывает крестьянина к земле (еще недавно председатели колхозов могли запретить чуть ли не половине советского населения иметь на руках паспорт, столь необходимый для передвижений). Другими словами, преобладающей чертой советской жизни, которую З. Бжезинский так уместно назвал «бюрократизацией скуки», является все то, что недалеко ушло от «идиотизма деревенской жизни» (К. Маркс), несмотря на известный прогресс в области промышленной технологии.

Совершенно очевидно, что это вовсе не то, что первоначально было обещано. Приверженцы социалистического мифа каждый раз ищут новое место приложения усилий и реализации своих идей. В последнее время им стали страны третьего мира во главе с Китаем. Не буду подробно обсуждать причудливое повторение Китаем старых уловок мышления, выдающего желаемое за действительное (столь характерное прежде для Советского Союза). Важнее другое: многие, если не все социалистические режимы, можно назвать «неосредневековыми» (С. Эйзенштадт употреблял слово «неопатримониальные», а П. Бурдьё — «социал-феодальные»). Интеллектуалы, которые верят в социализм даже после его неудачных воплощений, стремятся найти противоядие душевному смятению и разочарованиям. И находят его в удивительно устойчивой формуле: страна, вызывающая разочарование, не олицетворяет собой «истинный социализм», а потому не является опровержением социалистического видения мира. «Истинный социализм» - это дело либо отдаленного будущего, либо другой страны (если не России, то Китая, если не Китая, то Вьетнама и так далее до бесконечности). Прекрасная иллюстрация подобной уловки мышления - определение советской системы как «государственного капитализма» и противопоставление его, якобы, совершенно иной китайской системе.

Современность и разочарование в ней

Если то, что мы рассмотрели, суть ключевые аспекты социалистического мифа, то остается открытым вопрос: почему интеллектуалы проявляют к нему особое пристрастие? Я уже говорил о том, что материальные интересы интеллектуалов как особого «класса» вполне могут сделать их приверженцами социализма. Но если мы говорим о мифическом измерении социализма, то нам потребуется дополнительное объяснение: интеллектуалы составляют группу, особенно подверженную разочарованию в современности.

До некоторой степени такая подверженность характерна скорее для высшего среднего класса, т. е. более широкой страты, в пределы которой интеллектуалы попадают либо по происхождению, либо в результате социальной мобильности. Вышний средний класс выделился из старой буржуазии, которая исторически выступала носителем индустриального капитализма, и тем самым стояла ближе, чем какая-либо другая группа, к первичным процессам модернизации. Существовали, конечно, и другие социальные слои, которые материально страдали от родовых мук современного общества, тогда как буржуазия только пожинала плоды. Это разоренное, а затем и вытесненное сельское население, новый городской рабочий класс, различные маргинальные группы (объединенные в категорию люмпенпролетариата) и даже часть аристократии, для которой модернизация означала потерю власти и привилегий. Однако сложнее всего установить, какую цену за модернизацию заплатил класс, прочнее других с ней связанный. Именно буржуазия острее всех ощутила на *себе* воздействие высокой мобильности, урбанизации, плюрализма и богатства. У историков еще нет полного согласия по поводу социальных, психологических и идеологических последствий такого воздействия. Однако можно предположить, что на ранних этапах буржуазия преуспела в сдерживании разрушительных влияний модернизации благодаря двум институтам - семье и церкви. Эти институты были столпами мира буржуазной респектабельности и представляли для индивида убежище от отчуждающих сил модернизации. Именно они выступили основной мишенью «враждебной культуры» интеллектуалов.

Буржуазия подвергла общество разрушительной трансформации, и в то время создала новую форму семьи, которая функционировала как остров спокойствия в самом сердце катаклизма. «Изобретение детства» (как сказал Ф. Ариес) было, вероятно, наиболее важным институциональным новшеством, которое имело серьезные последствия для социализации индивида. В то же время буржуазия находилась под влиянием религиозной этики (особенно в протестантских странах), придавшей связность и значимость экономической, социальной и политической борьбе. Вероятно также, что буржуазная семья и буржуазная религия послужили важным фактором в самом приходе буржуазии к власти. Примечательно, что интеллектуалы отвернулись от этих институтов только после исторической победы буржуазии. Другими словами, «враждебная культура» возникла в недрах мира, который уже являлся буржуазным в своих главных чертах.

Враждебные интеллектуалы

Важно отметить дифференциацию между двумя частями буржуазии: обширной группой тех, кто продолжает жить в рамках респектабельной буржуазной культуры, и первоначально небольшой группой ее интеллектуальных противников. Пока еще не ясно, в какой степени подобное разграничение является результатом реального отношения обеих групп к «способу производства», т. е. производству «вещей» первой группой и манипуляции символами второй. В любом случае такое разграничение и сейчас отмечается в высших средних классах западного общества. Правда, с тем отличием, что резко изменилось численное соотношение этих групп.

Таким образом, нынешняя страта высшего среднего класса отождествляет себя с бизнесом и научно-технологической деятельностью, и хотя находится в рамках

буржуазной структуры респектабельности, продолжает ощущать разочарование современностью. Подобная страта, все еще вдохновляющаяся нормами «протестантской этики», является антилиберационистской, если говорить о ценностях семьи и личности. Кроме того, она сильно привязана к религии, причем, не только в смысле идеологии, но и через свое институциональное участие. В противоположность ей, растущий «новый класс» интеллектуалов выступает антагонистом практически для всех старых норм респектабельности. Он ориентирован скорее на потребление, чем на производство. Его ценности частной жизни являются радикально либерационистскими. «Новый класс» становится все более секуляризованным, часто проявляет сильную антипатию ко всем традиционным формам христианской и еврейской религиозности. В результате эта страта совершенно лишена прежней защиты от разочарований в современности. Иначе говоря, старый высший средний класс еще ухитрялся «быть дома» в современном мире, тогда как интеллектуалы все глубже страдают от чувства бездомности. Естественно, что социалистический миф отвечает их потребностям и чаяниям.

Я не утверждаю, что в такой приверженности к последнему есть что-то неизбежное. Глубинным переживанием интеллектуалов могут отвечать (и в самом деле отвечали) также другие мифы. Так, перед второй мировой войной именно к интеллектуалам обращались консервативная и националистическая идеологии в Европе. Весьма поучительно их сходство с социалистической идеологией, ведь все они враждебны старому буржуазному миру. По существу они были антикапиталистическими и активно противостояли либеральной демократии, глубоко презируя респектабельность буржуазной культуры. Однако ни одна из них не создала конструктивного синтеза современности и контрсовременности, характерного для социалистического мифа. Вполне возможно, что со временем возникнут новые мифы «справа», которые будут отличаться сильной харизмой и призывом к интеллектуалам. Третий мир - вполне подходящее место для этого. Напротив, на Западе пока еще нет явных признаков появления нового мифа. Фактически сейчас у социалистического мифа нет настоящих конкурентов.

Сила мифов

Если предшествующий анализ верен, то нет причин ожидать, что «левые» уйдут с интеллектуальной сцены. Присущая социалистическому видению сила по-прежнему велика. То место и та роль, какую играет в обществе «индустрия знаний», делают интеллектуалов гораздо более влиятельными, чем когда-либо раньше. Вместе с этим социалистический миф приобретает беспрецедентную институциональную основу. В самом деле, миф стал своего рода условием существования культуры вообще. Конечно, существуют различные варианты в рамках церковной общности, которые также формируются вокруг определенного мифа. Сам по себе миф может излагаться в терминах марксистской теории, а может и нет. Он может быть просоветским или антисоветским, промаоистским или антимаоистским. Миф способен вступать в подвижные альянсы с другими идеологиями (как, например, контркультура или политически активные христианские группы), он может занимать различную позицию по отношению к существующим нормам и институтам либеральной демократии. Однако во всех своих видоизменениях миф сохраняет (должен сохранить!) основной антагонизм по отношению к капиталистическому миру и буржуазной культуре. Очевидно, что в той степени, в какой западное общество будет основываться на прежних институтах, приверженцы социалистического мифа сохранят антизападный анимус.

Мифы нелегко создавать и нелегко ими манипулировать. Они имеют собственную динамику и собственную «правду». То, что можно назвать мифической ущербностью западных обществ перед лицом социалистического видения, нельзя испра-

вить усилием одной только воли. Совершенно разные вещи - поставить диагноз и предложить возможные средства исцеления. Политическая и экономическая элита на Западе совершенно деморализована социализмом как единственным настоящим мифом. Старая риторика в защиту свободного предпринимательства, американского образа жизни и даже институтов либеральной демократии звучит как-то глухо. Ей все больше не хватает способности убеждать и воодушевлять. Призывы к возрождению либерализма или американского кредо, как бы хорошо они ни были обоснованы, не будут эффективны до тех пор, пока лишены силы мифа. Кажется невероятным, что либерализм (по крайней мере в его социал-демократических версиях) способен обрести такую силу (в Западной Европе мифических ценностей придерживаются левые фланги социал-демократических партий, т. е. те, кто менее всего связан с либеральной традицией). Все еще сохраняется возможность нового подъема мифологического национализма на Западе - даже новых форм фашизма, - но и в этом случае скорее всего сохраняются значительные элементы социалистического видения. По всей вероятности, такой подъем примет форму национального социализма (терминологическое сходство с тем, что возникло под этим названием в 20-30-х годах в Европе вовсе не случайно).

Тем не менее существует весьма эффективное средство против силы социалистического мифа - это опыт жизни в обществе, где подобный миф имеет статус официальной доктрины. Жестокая ирония нашего времени заключается в том, что идеологическое влияние марксизма велико везде, кроме тех стран, которые называют себя марксистскими. В Советском Союзе или Западной Европе уже никого нельзя увлечь марксистской риторикой. Марксизм здесь - церемония или миф, которые стали застывшим орнаментом. Зная эмпирическую реальность, можно сделать безошибочное предсказание: восхищение интеллектуалов социалистическим мифом исчезнет, как только в западных обществах будут установлены социалистические режимы. Следует добавить, что нет ничего невероятного и в том, что подобные режимы будут напоминать советский тоталитаризм, и эта запоздавшая перемена, если и будет иметь какое-нибудь политическое значение, то весьма небольшое. Ведь тоталитарные режимы, как оказалось, существуют длительное время без обращения к каким-либо мифам в климате всеобщего цинизма.

Существует еще одна возможность - это прекращение наметившейся тенденции к секуляризации в западном мире вообще и в его культурной элите в частности. Чуть ли не на всем протяжении человеческой истории мифы управляли нами (включая политическую жизнь), возникая из глубокой религиозной веры. Наиболее вероятно возрождение в Америке, где и прежде существовала уникальная связь религии с социальным плюрализмом и политическими свободами. Прогнозировать религиозное возрождение лишь на основе рациональных соображений конечно же, нельзя. Дух веет там, где пожелает. И все-таки делающим ставку на либеральную демократию и обеспокоенным делегитимацией, которой демократия в недавнем времени подверглась, надо бы хорошенько поразмыслить о том, что религия, жизненные корни которой еще существуют в американском обществе, тесно связана с демократией.

Конечно же, все это не имеет никакого отношения к гопшетской экстравагантности, распространившейся сейчас на интеллектуальной сцене Западе. Разумная надежда должна сохраняться, хотя ее идеологические детали со временем меняются. Тех, кто находится под влиянием социалистического мифа, вряд ли можно переубедить с помощью рациональных аргументов: они видимо, обладают безграничной способностью реинтерпретировать реальность. Вряд ли их можно убедить реформами, которые происходят в западном обществе, или гуманитарными соображениями, если они не разделяют вашей точки зрения. В этом нет ничего удивительного, если знать, что они находятся под влиянием мифа. Мифы черпают свою силу в тех сферах сознания, где живут боги, а боги всегда неуловимы.